

Профессионально
БЕРЕМЕННА

УЛЪЯНА ГРИНЬ

16+

Ульяна Гринь

Профессионально беременна

«Автор»

2020

Гринь У.

Профессионально беременна / У. Гринь — «Автор», 2020

Я Ева, 20 лет, красивая, умная, идеальная... охотница за деньгами. Он – Данила Беркутов, под 35, миллиардер и прожигатель жизни. И он - моя последняя жертва. Точнее, должен был ею стать. Но в какой-то момент всё пошло не так...

Содержание

Глава 1. Десять старушек – рубль	5
Глава 2. Тайные демоны Евы Зуевой	12
Глава 3. Оступилась и упала – получается, пропала	19
Глава 4. Падение в пропасть продолжается	25
Глава 5. Выбранный путь	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ульяна Гринь

Профессионально беременна

Глава 1. Десять старушек – рубль

Я бросила взгляд по сторонам, убедилась, что никто на меня не смотрит, и, опершись ладонью о стену, поправила задник туфли. Что за невезение – лодочки стоят почти сто баксов и безбожно натирают! У меня будет кровавая мозоль на исходе этого вечера, а ведь он может получиться очень плодотворным...

Мимо скользнул официант, похожий на пингвина в чёрном с белой манишкой, и я взяла предложенный бокал шампанского. Жажда замучила... Пузырьки взбудоражили небо и обожгли язык. Брют! Ничего такой. Не слишком, пила я и лучше. Пожадничали устроители. Ладно, бог с ним, с шампусиком, надо работать! Сунув клатч под мышку, я прошлась по аллее между развешанных картин, делая вид, что рассматриваю их внимательно. Но на самом деле меня интересовали совсем не картины.

В Питер я приехала неделю назад. Семь дней мониторила потенциальных клиентов, молча и не высываясь. В Нижнем всё прошло круто, но надо было выждать. Неделя – отличный срок. Не слишком много и не слишком мало. Всё улеглось, всегда всё успокаивается за это время... Мужчины как большие дети, быстро обижаются и быстро забывают обиду. Тем более, если их обставляет красивая женщина!

Поправив прядь волос, выбившуюся на лоб, я прищурилась, окинув взглядом ближайшую картину. На чёрном поле белые пятна. Зелёная точка в углу. Если честно – полный кошмар и безвкусица. Но принадлежит мэру, который любезно предоставляет картину для выставок художника, как одну из лучших его работ. Мда... Ну окей чо...

– Вам нравится? – раздался голос из-за плеча. Я широко распахнула глаза – голос был приятным мужским баритоном. Работаем.

– Необычная картина, – ответила, наклонив голову к плечу. – Концептуальная.

Два дня я готовилась и учила термины. Время использовать их!

– И в чём же тут концептуальность? – в его голосе мне послышался смешок, и я прищурилась, задумчиво оглядела белые мазки. Ответила:

– Ну... Например: чёрное – космос, белое – звёзды. Космос огромен и всепоглощающ, а вот эта крохотная точка – Земля, которая одинока в бесконечности.

– Неплохо, неплохо, – снова усмехнулся мужчина за спиной. Какой приятный голос! Завораживающий, бархатный, с ленцой тянущий гласные... Если его обладатель так же красив, как и голос, я беру!

– Или так: чёрное поле – это выжженная человеческой деятельностью земля. Белые точки – это падающий снег, а зелёная – это оазис надежды, маленький цветущий сад!

– Вполне! Мне нравится!

– Ещё никто так поэтично не описывал эту картину, – фыркнул второй голос. Я стремительно обернулась. Волосы взметнулись вокруг плеч – я знала, какое впечатление оказывает на мужчин этот жест. И не ошиблась. Двое смотрели на меня с искрами в глазах. Обладатель бархатного баритона оказался довольно-таки молод – не старше тридцати – и достаточно хорошо одет. Я скользнула взглядом по его фигуре, оценив пиджачок из дорогой ткани. Если не ошибаюсь, это Бриони! А джинсы похожи на самые обычные, но зоркий глаз сразу увидит бренд. И часы, выглянувшие из-под манжеты, не стальные, а платиновые. Ох, не зря я заглянула на эту дурацкую выставку! Не зря!

А вот второй не так хорош. И не мой вариант, если честно. Если первый элегантно щетирист, то второй откровенно зарос. Если первый небрежно ироничен, то второй пошло язвительен. Баритон пьёт шампанское, бомж – Джек Дэниелс. И уже не первый, насколько я могу судить по его виду.

– Позвольте вам представить Матвея Белинского, – баритон качнул бокалом в сторону бомжа. Тот по-клоунски поклонился, едва не расплескав содержимое своего тамблера:

– К вашим услугам, прелестная незнакомка.

Прелестная незнакомка, то бишь, я протянула ему руку для поцелуя. Такой жест действует на мужчин как красная тряпка на быка. Он словно говорит: я не какая-нибудь там, я леди, ведите себя соответствующе. Матвей Белинский приложился к моему запястью губами:

– Рад, очень рад...

Он явно желал услышать моё имя, откуда и пауза. Но я не спешила представляться. Сперва я узнаю имя баритона. Тот обвёл рукой окружающие нас картины и сказал:

– Матвей – автор всего этого безобразия.

– Какое точное определение моего творческого высера! – фыркнул художник, и я поняла, что он безобразно пьян. А баритон продолжил:

– Поскольку Матвей манкирует хорошими манерами, я представляюсь сам. Данила Беркутов, к вашим услугам.

Он завладел моей рукой и коснулся губами кожи на тыльной стороне ладони. Беркутов... Божечки ж мои! Я даже представить не могла, что он посещает такие мероприятия! Подумать только – один из самых богатых людей России фланирует между идиотскими картинами пьяного художника... Может, ещё и купить собирается что-нибудь за бешеные деньги?

Но мне на это плевать. Пусть хоть все скупит. Я улыбнулась, показав свои идеально белые зубы:

– Ева. Просто Ева.

– Что ж, просто Ева, – Данила подставил локоть. – Хотите, покажу вам мою любимую картину кисти присутствующего здесь обалдуя?

– Очень хочу, – соврала я, деликатно прильнув к кавалеру. Соблюдай дистанцию, детка, не жмись так близко! Главное, не спугнуть этого беркута, главное, не подпускать его на короткую дистанцию, но и из вида не выпускать!

Такой добычи мне ещё не попадалось...

Через несколько минут мы молча стояли перед картиной и смотрели на неё. Правду говорят: если долго вглядываться в бездну, она начнёт смотреть на тебя. Выглядела бездна классическим примером ташизма, а именно: как будто взяли ярко-жёлтых цыплят, сварили их и раскатали в пастилу, а потом наломали её и хаотично набросали на холст поверх малиновых волос, которые Рапунцель-эмо срезала, чтобы пожертвовать онкобольным детям. Всё это на чёрном фоне, как будто Белинский был идолопоклонником Малевича.

Данила склонил голову к плечу и спросил тихо:

– Вам нравится?

– Это уже даже не концептуально, – выдохнула я, подавив в себе желание рассказать про цыплят и Рапунцель. – Это так... безнадежно!

– Да. Вы понимаете меня. Пожалуй, я куплю её.

Прищурившись, я шагнула ближе к холсту, чтобы разглядеть цену мелкими циферками. Две тысячи. Пожала плечами:

– Ну, за две тыщи рублей да. Я бы тоже купила.

Данила расхохотался, совершенно не заботясь о том, что все разом обернулись на него:

– Вы шутница! Матвей! Матя! Я покупаю твоё «Отчаянье»!

Вытаращив на него глаза, я пыталась понять – шутит он или всерьёз? Нет, похоже, совершенно серьёзно! Он собирается купить эту мазню. Ну ладно, мне с ним не жить и на раска-

таннных в пастилу цыплят не любоваться. Хотя даже за те несколько недель, что я планирую провести с Данилой, эта картина может расшатать мою психику...

На заявление баритона сам художник не откликнулся, зато прибежала крепкая, плотненькая и квадратная женщина средних лет с короткой стрижкой и возбуждёнными глазами:

– Данила Алексеевич! Вы мой добрый гений! Картой или чеком?

– А наличные вы не рассматриваете, Вика? – усмехнулся Данила, вытаскивая чековую книжку и ожидаемый Паркер. – В рублях или в валюте?

– В рублях, Данилочка Алексеевич! Сто сорок тысяч для круглой суммы!

– Сколько?! – не выдержала я.

– Две тысячи долларов или сто сорок тысяч рублей, – холодно ответила Вика. Я прикрылась бокалом, чтобы не рассмеяться в ответ. Интересно, сколько времени потратил Матвей Белинский на создание сего шедевра? Минут пятнадцать? Или двадцать? Я тоже такие могу клепать!

Надо озадачиться.

А Данила, выписав чек, снова обратился ко мне:

– Ева, у вас есть какие-нибудь ещё интересы на данном мероприятии? Или вы выполнили обязательную программу, и я могу с чистой совестью вас похитить?

– А у вас есть предложение, от которого я не смогу отказаться? – я поставила полупустой бокал на поднос официанта и приняла протянутый мне локоть.

– Смею надеяться.

– А потом я исчезну навсегда, и никто больше не найдёт моё брэнное тело? – в тон продолжила я. Данила хмыкнул:

– Ева, давайте поступим так: я сделаю вид, что хочу показать вам во-о-он те дальние рисунки раннего Белинского, а вы украдкой откроете на смартфоне Яндекс и посмотрите, что пишут обо мне СМИ.

Хорош, чертяка! И знает это, и красуется. По-моему, всё начинается очень даже неплохо. По крайней мере, у нас завязался разговор. Продолжим же беседовать.

– Нет, этого делать я не буду. А вдруг вы подчищаете все нежелательные статьи и упоминания в жёлтой прессе? Лучше расскажите мне сами.

Данила внезапно озадачился. Почесал щетину на подбородке и усмехнулся:

– Ладно. Но вы сами напросились! Я собираюсь пригласить вас в людное место, нас туда отвезёт шофёр, потому что шампанское, потом он же довезёт до любого места, которое вы обозначите, но в пределах Санкт-Петербурга. Что ещё? Не женат. Не педофил. Не ем маленьких детей на завтрак, а красивых девушек на обед...

– Сто тридцать восьмая строчка Форбс, – подсказала я. Данила деланно оскорбился:

– Где такое написано? Сто тридцать пятая, между прочим!

– Жалуйтесь на Яндекс! – фыркнула я.

– Вот ещё! Я придерживаюсь мнения, что сам о себе и так знаю правду, а что пишут в интернете – мне строго параллельно.

Хм-хм, а ведь отличное мнение! С этим беркутом мне будет хотя бы интересно.

– Так что, Ева, вы согласны разделить со мной этот вечер?

Я подняла взгляд, посмотрела в его глаза, и мне очень понравилось то, что я там увидела: интерес. Похоже, рыбка заглотила крючок и теперь трепыхается на конце лески. А рыбка не простая – золотая! Таковую я искала почти два года. Данила Беркутов станет финальным аккордом моей деятельности на территории России. Потом я уеду за границу...

– Я согласна, – сказала будто бы с неохотой, а на самом деле внутри всё вскипело бурлящей радостью. Словно шампанским залилась! И пьянящее ощущение предстоящих развлечений... Беркут очень даже хорош собой, с ним и притворяться не надо, оргазм сам собой словлю! – А куда мы поедем?

– Время обеда, Ева, а я никогда не пропускаю обед! Вы голодны?

– Если честно, шампанское распалило аппетит, – призналась я. Интересно, какую кухню любит Беркутов? Хоть бы не грузинскую, а то придётся вместо часа пахать в спортзале два часа!

Данила повёл меня на выход мимо гостей, которые пытались (а некоторые весьма успешно) на серьёзных щах задумчиво рассуждать о модной мазне художника Белинского, а сзади семенила Вика, что-то бормоча об экспресс-доставке на дом купленного полотна. Но, наконец, мы от неё отвязались, и спустились по ступенькам на улицу. Буквально через несколько секунд подъехал тёмный джип с ярко сверкающим хромым кенгурятником, с тонированными стёклами, квадратный, угрожающий и блестящий.

Явно не прошлогодней коллекции тачка. А что за марка?

Я присмотрелась к знаку на капоте и удивлённо спросила:

– Какая-то новая марка машин? Что за Пуш?

– Прошу заранее меня простить, но это Пук, – с улыбкой ответил Данила, глядя, как шофёр – совсем молодой парень моих лет – выходит, чтобы распахнуть перед нами заднюю дверцу. Салон машины был похож на старенькое такси, но зато с кожаными сиденьями. Я подозрительно спросила:

– И какого года выпуска этот прости господи Пук?

– Думаю, он несколько старше вас, – небрежно бросил Данила, готовясь посадить меня. Но я воспротивилась:

– Ну нет! Я ещё жить хочу!

– Ева, вы хотите меня обидеть? – в его тоне не было обиды от слова совсем, зато послышалось удивление. – Мои машины абсолютно безопасны – они проходят техосмотр, обслуживание в гараже в срок. А Константин – водитель от бога, так что ничего не бойтесь и садитесь!

– В случае чего моя смерть будет на вашей совести, – пробормотала я, опершись на руку беркута, и забралась на заднее сиденье. В машине приятно пахло отдушкой и натёртой каким-то средством кожей. Хлопнули дверцы, водитель обернулся на Данилу, и тот, развалившись на сиденье рядом со мной, кивнул:

– В «Мы женаты».

Мотор заурчал, как большой, сытый и довольный тигр, и машина плавно тронулась с места. А я, положив клатч на колени, закинула ногу на ногу и спросила с умеренной дозой любопытства в голосе:

– Это такой намёк? Оригинальное предложение руки и сердца?

– А вы бы согласились вот так, сразу, в первый день знакомства? – Данила откровенно смеялся, и я обрадовалась. Он любит подшучивать и иронизировать. Это хорошо. Гораздо лучше, чем иметь дело с таким занудой и сухарём, как Родик Алимов из Оренбурга. Вот уж кто любил докапываться до слов да искать во всём двойное дно...

Откинувшись на сиденье, я улыбнулась. Это будет славная и очень быстрая охота!

– Если у нас сходятся вкусы в искусстве, то и во всём остальном сойдутся, – ответила сдержанно и добавила: – Но в первый день знакомства выходить замуж это перебор. Дня три надо всё же подумать!

– Мне нравится ваш юмор, Ева.

Данила взял мою руку в свои ладони, склонился к ним, поцеловал кисть. Не сосчитать, сколько раз мужчины целовали мне руки... А тут... Словно искра пробежала между нами. Очень такая конкретная искра, которую я думала больше никогда не ощутить: слишком много игры в моей жизни. Я и сама перестала понимать, когда работаю, а когда просто живу...

– А название ресторана – это игра слов. Мы женаты – мы же на ты! Так что предлагаю перейти на ты.

– А я соглашусь, – усмехнулась. – Раз уж сам ресторан советует!

– Вот и отлично.

Он поднял взгляд на меня, и его глаза блеснули. Какие у него глаза... Эпитетов не хватает! Красивые – банально, обворожительные – глупо, восхитительные – пошло... Голубые, глубокие, как озёра (боже, пафос тебе не идёт, Ева!), и тёплые, как наши дальневосточные ключи.

– Костя! Остановись вон там!

Я машинально взглянула туда, куда Данила указал, и спрятала улыбку в волосы. Цветочный магазин. Конечно, начинается стандартный набор соблазнения девушки... Цветы, шампанское, мелкие подарки, потом какой-нибудь концерт или приватная вечеринка у местной звезды экрана или сцены, на третьем или четвёртом свидании – секс, а уж после него... Всё зависит только от фантазии мужчины!

Думаю, Данила пойдёт этим самым проторенным путём, так что сюрпризов быть не должно.

– Я сейчас, – бросил мне беркут, когда машина остановилась у бровки тротуара. Выскочил из джипа, направился к магазину. Розы или лилии? Или вообще орхидеи. Данила любит шик и лоск. Дорогие хрупкие цветы как раз в его стиле. Тюльпаны для такого мужчины слишком просты, а герберы слишком строги. Хотя розы универсальны, поэтому вполне возможно, что беркут не заморочится выбором...

Он вернулся быстро, сел рядом со мной на сиденье и протянул мне... горшок с пышной россыпью листьев – снизу зелёных, сверху ярко-алых. Я, по-моему, даже икнула негламурно от изумления, потом спросила:

– Это цветы?

– Это пуансеттия, – невозмутимо ответил Данила. – Кость, поехали!

Вот честное слово, не ожидала от него!

Цветов в горшке мне ещё никогда не дарили... Я даже не знала, как среагировать, поэтому по привычке сунула нос понюхать. Цветы не пахли. То есть совсем. Лёгкий аромат листьев и всё. Однако... Пришло подозрение, что ресторан меня ждёт не пятизвёздочный.

– Данила, а вы всегда дарите девушкам вот такие цветы? – поинтересовалась как будто между прочим, расправляя нижние листочки.

– Букет завянет, ты его выбросишь и забудешь. А эта малышка простоит хотя бы годик. Ева, мы перешли на ты или нет?

– Перешли, – кивнула, устраивая горшок на коленях. – Просто всё так неожиданно...

Да, вот эта линия мне нравится. Немножко растерялась, приятно удивлена. Держусь на расстоянии, рассматриваю. Доля кокетства, и дело в шляпе! Мужчины не любят добычу, которая сама запрыгивает в рот.

– А, по-моему, всё ожидаемо, – усмехнулся он, придвигаясь ко мне. Я слегка отстранилась, в глубине души страстно желая, чтобы он меня поцеловал. Но так нельзя! Не на первом свидании...

Данила снова завладел моей рукой, теперь приблизил её к губам ладонью вверх, защекотал щетиной. Где-то в животе образовался вакуум, который засасывал в себя всю мою волю, до того составлявшую стальной стержень, державший тело вместо позвоночника. Я готова сдать и отдаться. Всего от прикосновения губ к ладони! Люди добрые, что же это делается?! Спасите-помогите-горю!

Губы скользнули по запястью, по руке к сгибу локтя, и я ощутила дыхание в своём декольте. Нет-нет-нет! Пнула внутреннее желание, крутившее живот, и одновременно шлёпнула Данилу пуансеттией по голове, как гопника веником. Застыла. Чёрт! Цветок жалко...

– Эй!

– Ой, прости! – пропела сладенько, снова укладывая растрепавшиеся листочки. – Не слишком сильно стукнула?

Данила потёр макушку, отодвигаясь, и я заметила, как он пытается скрыть усмешку. Это ему удалось, и я услышала сердитое и даже почти злое:

– Девчонка с рабочих окраин! Тебя не учили говорить «нет» вербально?

– Мне назвать тебя гопником? Разве тебя не учили, что свои обещания надо выполнять? – ответила холодно.

– Это что я такого обещал? Я сказал, что не ем девушек, но не обещал, что не буду приставать, – фыркнул Данила, снова развалившись на сиденье.

– Хм, а ведь правда, – в холодность голоса я подпустила чуть ехидцы. – Так что, получается, я зря тебя стукнула? Ну прости меня ещё раз, давай, можешь меня насиловать!

Он косо глянул на меня, а потом рассмеялся:

– Один-ноль в твою пользу, просто Ева! Ладно, не злись! Примешь мои извинения?

– Приму, если извинишься.

– Извиняюсь.

– Принято, – улыбнулась я. Один-ноль. Ха, как же! Не меньше трёх в мою пользу, правда, Беркут пока ещё не понял этого. И, надеюсь, в ближайшие несколько месяцев не поймёт.

В ресторане было очень уютно. И что поразило меня больше всего – там были книги. Целая стена книг! И стояли они настолько вразнобой, что у меня заболела душа перфекциониста. Я бы всё по росту расставила, а то прямо смотреть невозможно! Но, когда мы сели за столик у книжного стеллажа, я заметила бандероль с надписью: «Книги расположены по алфавиту», и она меня успокоила. Немного. Терпеть не могу, когда всё перемешано не пойми как. Алфавитный порядок всё же лучше, чем никак...

– Ева, ты выберешь свой салатик? – спросил меня Данила, протягивая отдельный листок из меню. Я возмутилась:

– Как это «мой салатик»? У тебя не хватает денег на полноценный обед?

Беркут фыркнул от смеха:

– Конечно, хватает! Но я не думал, что... В смысле, девушки всегда берут салатик и воду без газа!

– Где мой цветок? Мне срочно надо стукнуть тебя!

– За что? Меня-то?

– За маскулинизм! Ещё скажи, что салатик – это женская еда, а мясо – мужская!

– Какие глупости! Я не претендую на мясо в эксклюзиве, – он со смехом протянул мне другой листок, на котором был список блюд из свинины и рыбы. Я взяла с гордым и независимым видом и сказала торжествующе:

– Так-то лучше.

Но не выдержала пафоса и хихикнула. Данила покрутил головой, подзывая официантку жестом:

– Бутылочку игристого, пожалуйста, и картофельный салат. Ева?

– Да, мне тоже.

Я увлеклась чтением меню, которое было составлено в стиле анонсов кинотеатра. Знакомые фильмы и, похоже, вкусные блюда... Телятина, м-м-м! Хочу телятину с муссом из пармезана! Об этом я и сообщила официантке, а Данила подколот меня:

– И стейк из лосося с говяжьими рёбрышками? Да?

– Посмотрим, хватит ли телятины! – фыркнула я. – Но, в принципе, нет ничего невозможного!

Когда официантка ушла, я любовно погладила пуансеттию по верхним, красным листочкам и спросила как бы между прочим:

– Данила, а чем ты занимаешься в жизни?

– Я? – он откинулся на спинку стула и пристально посмотрел на меня голубыми талыми льдинками глаз. – Играю в гольф, путешествую, веду инстаграм, посещаю модные вечеринки... Ещё?

– Боже, да ты прожигатель жизни! – рассмеялась я. – Если честно, думала, что ты скажешь: «Занимаюсь бизнесом!»

– А чего им заниматься? – Данила сделал жест рукой, будто отмёл все заботы далеко и надолго. – У меня целый штат директоров, два адвоката и личный бухгалтер. Я могу себе позволить жить на широкую ногу.

– А вдруг они у тебя крадут? – улыбнулась.

– Крадут, конечно, куда ж без этого... Но не зарываются. Пока.

– Это дзен?

– Это русский дзен, – он взял бутылку игристого и налил в два бокала: – Попробуй, оно лучше, чем шампанское на выставке.

– Так не бывает!

– Попробуй.

И я попробовала. Никогда не думала, что Просекко может быть вкуснее французского шампанского! Но факт. За дегустацией я расслабила булки и получила прямо в лоб вопросом:

– А ты, Ева, чем занимаешься в жизни?

Глава 2. Тайные демоны Евы Зуевой

Конечно, у меня было много заготовок ответов на этот вопрос, но захотелось ляпнуть: «Охочусь на богатеньких мужчинок!» Прогнав эту мысль, я улыбнулась дежурно:

– Вообще-то я окончила экономический колледж, а сюда приехала поступать в университет.

– Как интересно! В какой именно?

– В экономический, – ответила я тоном Люси из известного фильма. Данила прикрылся бокалом и что-то профырчал. Чёрт, какой тут есть экономический университет? А он вообще есть? Нет, не может быть, чтобы в Питере не было экономического университета! В общем, не суть. Погуглю потом, уточню, а пока надо перевести стрелки.

– Никогда не думала, что у нас в стране можно играть в гольф.

– Ещё как можно, – протянул Данила. – А ты умеешь? Играла когда-нибудь?

– Не-е-ет...

Сейчас скажет: «Я тебя научу».

– Ну так я тебя научу. Согласна?

Как предсказуемо...

– Конечно!

Надеюсь, энтузиазм в моём голосе сразил его наповал! Ох, не переиграть бы... Гольф – штука для меня новая. Вот в бильярд играть я люблю. Одни только позы, которые можно принимать, готовясь загнать шар в лузу, чего стоят! Ни один мужчина не оставался безразличным!

Картофельный салат оказался безумно вкусным, а ведь меня ждала ещё и телятина. Пока мы ели его, Данила рассказывал о том, как надо правильно расставлять ноги при замахе клюшкой. По всему выходило – гольф очень весёлая игра! Пока мы ждали основное блюдо, у Данилы пикинул телефон. Глянув на экран, он усмехнулся и сказал:

– Что-то папарацци обленились в последнее время. Уже почти час прошёл, а фотки выложили только минуту назад.

– Тебя снимали? – любопытствовала я, приканчивая бокал игристого.

– Нас, детка!

Он протянул мне смартфон, и я прочитала на экране: «Знаменитый далеко за пределами нашего города эпатажный миллионер Данила Беркутов посетил сегодня выставку не менее эпатажного художника-абстракциониста Матвея Белинского. С выставки наш самый завидный холостяк страны не только унёс купленную за бешеные деньги бездарную мазню, но и увёл прекрасную брюнетку, имя которой нам пока неизвестно. Пока! Мы обещаем не оставить вас, дорогие подписчики, наедине с вашим любопытством и уже проводим собственное расследование. Скоро мы узнаем всё об обладательнице длинных ног и голубого платья от Прада».

– Прада! – фыркнула я. – Тоже мне, специалисты!

– А что, это не Прада? – деланно удивился Беркут.

– Представь себе. И вообще... Только не говори, что ты разбираешься в моде!

Данила вернул свой телефон и принялся листать странички на экране:

– Я доверчивый, я верю блогерам.

– Ну да, ну да, – рассмеялась. А сама с досадой подумала, что блогеры сведут меня с ума. Рановато они принялись за меня... Всё же видно, что город большой. Раньше сплетни просачивались в прессу и интернет не раньше, чем через неделю. А тут придётся следить за собой и быть настолько безупречной, насколько это в принципе возможно. Ах да, и прятаться, прятаться!

Впрочем, непохоже, что Данилу расстраивает такое внимание. Похоже, его как раз расстроит забвение...

Его рука накрыла мою ладонь. Я взглянула на Беркута и прочла в его глазах то самое, моё любимое, ожидаемое с нетерпением возбуждение. Он спросил:

– У тебя были планы на этот вечер?

– Ну вообще-то... – начала я, выдержала хорошо просчитанную паузу и улыбнулась: – Я их отменю, если ты предложишь что-нибудь поинтереснее.

– Вполне. Как ты относишься к лошадям?

На этом месте я, привыкшая к неожиданностям, к игре, к внеплановым ситуациям, всё-таки вздрогнула. Хотя после пуансеттии чего уж там... Неужели мне предстоит конная прогулка? К этому меня жизнь не готовила!

– Я очень люблю лошадей! – ответила с запинкой, но с энтузиазмом. И добавила чуть тише: – Издалека.

Фыркнув, Беркут успокоил меня:

– Ты полюбишь их вблизи, обещаю. Будет весело!

– Особенно когда я упаду в десятый раз, – согласилась я.

– Я не дам тебе упасть.

Это обещание вкупе с лёгким глядящим касанием руки отчего-то умилило меня. Выбрала эпатажного миллионера – будь готова прыгать с парашюта и надевать акваланг. А вообще, становится даже интересно: что ещё придумает Данила для развлечения?

– Это обнадёживает, – ответила я и отобрала у него ладонь. Официантка принесла телятину для меня, роскошный стейк с овощами для Беркута и хлебешек. У меня есть полчаса, чтобы привыкнуть к мысли: меня сегодня посадят на лошадь.

Но я так и не смогла представить себе эту картину.

В принципе, ещё тогда, давно, когда мне в голову пришёл план робингудства в пользу бедных, то есть меня, я знала, что пойду на многое. Я была готова врать и изворачиваться, терпеть, улыбаться сквозь силу, говорить «да», когда хочется блевать, потому что огонь в груди не унимался, жёг, выжигал дотла. Этот огонь можно было погасить только одним способом: обставить, обмануть, восторжествовать, забрать то, чем гордится мужчина. И нет, не деньги – они вторичны. Забрать то ощущение вседозволенности, которое рано или поздно приходит к любому мужику, поднявшемуся на недостижимые высоты власти.

Я много читала – самосовершенствовалась каждый день, качала мышцы – оттачивала тело, училась управлять в сексе – с каждым новым любовником, я собиралась стать идеальной. Но никогда не думала, что мне придётся ездить верхом.

Конюшня, в которую привёз меня Данила, находилась в сосновых борах на севере города возле посёлка Лисий Нос. Название мне сразу понравилось. Было в нём что-то лукавое и мимишное, заставляющее улыбнуться. Но улыбаться не хотелось. Хотелось спрятаться, укутавшись в одеялко, чтобы не тащили насильно на страшного зверя...

– Чувствуешь?

Данила помог мне выйти из машины и обвёл рукой окрестности с таким видом, будто лично принимал участие в создании этих деревьев, этой травы и этих деревянных сооружений, часть из которых я легко идентифицировала как манеж, дом и денники. В леваде паслись лошади, на песке в круглом загоне возле манежа тоже бегала по кругу лошадка на длинном поводке. Пахло хвоей, опилками и ещё – тем специфическим запахом, который бывает в зоопарке.

– Чувствую, – из вредности ответила. – Аромат навоза.

– Ева! – Беркут рассмеялся и подставил мне локоть. – Вдыхай полной грудью, только посмотри, какой тут чистый воздух!

– На воздух нельзя посмотреть, – нервно возразила я.

– Не умничай, золотце, – фыркнул Данила. – Тебе не идёт.

Да, я часто слышала это от мужчин. Улыбайся, девочка, будь красивой, закрой ротик, на тебе денюжка, купи серёжки... И ты улыбаешься, стараясь, чтобы это не выглядело, как гримаса, молчишь, хотя очень хочется всё высказать в лицо, берёшь платиновую карточку и мстительно выгребает с неё доллары на серёжки, колечко, браслетик, а к ним кофточку, а к кофточке брючки, а к ним туфли, а к туфлям сумочку «потому что моя старая сумочка к этим туфелькам не подходит, котик!»

– Смотри, это Осень.

Я с отворачиванием уставилась на коричневую лошадь. Конечно, она была красивой – тёмно-рыжая в белые пятна шерсть лоснилась, переливаясь на солнце, чёрная грива, заплетённая в тонкие косички, элегантно свешивалась на один бок, тонкие ноги равномерно перебирали по песку загона... Но это была лошадь, и я её боялась. Однако вежливо ответила:

– Очень милая лошадка.

– Перспективная кобылка. Думаю в этом году свести её с Вольтером.

По следующему взмаху руки я повернула голову налево и увидела очень необычную лошадь – серую с белой гривой. Паслась эта отрада эстетизма в отдельном загоне. Словно почувствовав, что о нём говорят, Вольтер вскинул голову и тонко заржал, задирая хвост.

– Вот он, мой Вольтер! Смотри, какая масть, очень хочу получить такого же жеребёнка. А знаешь, какой он послушный! Вот поедем кататься, я покажу, что Вольтер умеет!

– А стихи он пишет? – пробормотала. Беркут обожает лошадей, с ума сойти! Нет, нафиг, нафиг... Хоть этот мужчина и перспективный, как его лошадка, но надо соскакивать. Я не выдержу этого увлечения больше одного раза. Да и одного раза, наверное, тоже не выдержу.

– Стихи? Нет, стихи вроде бы не пишет. А мы его спросим.

Спросим, ага. Когда будем скакать по полям.

– Золотце, пойдём, я покажу тебе, где можно переодеться.

Боги... За что мне всё это? Я очень сильно постаралась замаскировать обречённый вздох под энтузиазм и бодренько улыбнулась:

– Переодеться это я могу. Всё никак не могла понять, как мне в платье на лошадь садиться.

– У нас должны быть запасные костюмы для верховой езды. Пошли в дом.

И мы пошли в дом, где Данила передал меня из рук в руки молодому человеку с гусарскими усиками, велел экипировать как следует. Парень проводил меня в одну из комнат на втором этаже, распахнул шкаф и удалился. Я застыла перед вешалками, ошеломлённо глядя на экипировку. Интересно, как я буду выглядеть в бриджах? Обтягивающие штаны – удачная находка модельеров. А вот толстовки... Это издевательство над женщиной. А ведь ещё вроде бы надо сапоги?

Кошмар.

Сапоги я точно не выдержу...

Когда я вышла из дома в полном облачении наездницы, чувствовала себя, мягко говоря, неудобно. Сапоги из натуральной кожи издевательски поскрипывали при каждом шаге, и мне слышалось в этом скрипе пение: «У-па-дешь! У-па-дешь!» А гусарский парень дал мне палочку с кожаной нашлёпкой, и я не нашла ничего лучше, чем нагло похлопывать ею по голенищу. Но, увидев Беркута, перестала, устыдившись. Он выглядел великолепно. Настолько, что Солнце померкло, скрывшись от обиды за облако. И даже в каске Данила не выглядел смешно – он был похож на бога. Этого, как его... С крылышками на шлеме... Или это был не бог? От волнения всё вылетело из головы, остался только этот несчастный шлем с крылышками.

– О, Ева! – окликнул он меня, подняв солнечные очки на лоб. – Слушай, тебе очень идёт этот костюм. Впрочем, я и не сомневался.

– Бриджи украсят любую женщину, – вежливо ответила я, стараясь не смотреть на корпулентную женщину с обтянутым бриджами необъятным задом. И лошадку, на которую кли-

ентка собиралась взгромоздиться, стало очень жалко. Но я быстро задавила в себе жалость, увидев, как к мадам подводят огромное животное с кряжистой спиной и крепкими ногами. Как это называется? Першерон? Не знала, что на них можно ездить... Тем лучше для всех.

– На тебе они смотрятся просто потрясающе, – пробормотал Данила, целуя мою руку. На секунду я зависла, потом вспомнила – мы всё ещё про бриджи. Спросила:

– А у меня будет каска?

– Обязательно, – пообещал он и махнул рукой. Гусарский парень резво притащил элегантную каску с ремешком, Данила самолично на меня её натянул, застегнул, и я мгновенно почувствовала себя полной дурой. Но – дурой, защищённой от неприятностей. Впрочем, это ощущение испарилось, как только мы подошли к леваде.

– Знакомься, Ева, это Синичка.

Синичкой звали небольшую, приземистую и крепкую кобылку рыжего цвета. Она покосилась на меня карим глазом, подняла верхнюю губу, показав зубы, и я обмерла. Где-то читала, что лошадки кусаются и очень даже нехило!

– Очень приятно, уважаемая лошадь Синичка, – тихонько сказала я, инстинктивно делая шаг за спину Данилы. Тот захохотал на всю конюшню:

– Ева, твоя вежливость зашкаливает!

– Она хотела меня укусить, – наябедничала и снова спряталась.

– Да нет, – вступил в разговор гусарский парень. – Синичка самая смиренная лошадь во всей Ленобласти! Она просто вас так поприветствовала!

– Придётся вам поверить на слово, – я поёжилась, наблюдая, как кобыла пожёвывает губами, а уши её – длинные заострённые локаторы – поворачиваются вперёд-назад. Словно сигнал ловят...

– Давайте я вас подсажу, – простодушно предложил парень, но Данила отстранил его и забрал повод:

– Я сам. Оседлай пока Вольтера.

Со вздохом я поняла, что настал мой смертный час, и приготовилась. Беркут обернулся ко мне и жестом пригласил:

– Прошу, Ева. Не волнуйся, ты справишься.

– Не надо меня утешать, – я повертела стек в руке и сунула его Даниле. – Как на это чудо садятся?

– Стремя. Седло. Повод, – Данила перебросил повод через голову лошади и продолжил: – Упирайся ногой в стремя, хватайся руками за луку и подтягивайся.

Ну, проще простого! Сейчас, как в фильме, взлечу в седло и ух!

Что именно ух, додумать я не успела, потому что, всунув носок сапога в стремя и схватившись за выступ на седле, попыталась взлететь, но только плавно съехала вниз. Хмыкнув, Данила подошёл вплотную и мурлыкнул на ухо:

– Я тебе помогу.

Его руки легли мне на талию, сзади я ощутила его бёдра и мускулистые ноги. О-о-о! Кажется, сейчас сомлею! Надо собраться! Не первый, не последний! Он для меня никто, просто очередная жертва, вот и всё! Зажмурилась и снова схватилась за седло:

– Вот так?

– Толчок опорной ногой! Давай! За гриву держись!

– Ей же больно! – возмутилась я, но Данила схватил мою левую руку и положил на холку Синички – туда, где начиналась грива. Пришлось уцепиться за жёсткие волосы.

– А теперь толчок и вверх.

Толчок – окей. Вверх – окей. Почувствовав ладони Беркута на затылке, легонько поддалась вперёд и перекинула ногу через седло. О, получилось! Теперь можно позволить себе бросить возмущённый взгляд вниз:

– Ты опять?!

– Ну тебе же надо было помочь, – фыркнул Данила, опуская очки на глаза. – Вдень вторую ногу в стремя! Держи повод.

– Повод держу, – я ухватилась одной рукой за седло, второй за повод и нервно повторила: – Держу... А если она пойдёт?

– Ева! В этом и есть смысл конной прогулки, – рассмеялся Данила, поглаживая Синичку по шее. – Лошадь идёт, ты на ней едешь.

– Мне не очень... уютно, – призналась, совсем не соврав.

– Ничего, сейчас освоишься.

Короткое ржание перебило его, и я с ужасом взглянула на Вольтера, которого подвели сразу двое парней. Он тряс головой, жевал железяку поперек рта и издавал странные звуки – то ли хрюкал, то ли ржал. Боже, это не лошадь, это дикий зверь какой-то! Неужели Данила на него сядет?

Данила сел. Более того, когда он взял повод и чуть прикрикнул на коня, тот сразу при-
смирел и полез к нему мордой – шумно нюхать и тыкаться носом в карманы куртки. Хозяин протянул ему на ладони кусочек яблока и, пока Вольтер хрумкал, трепал по длинной изящной морде, что-то говорил в ухо. Конь слушал внимательно, кося глазом. Потом позволил себя оседлать, склонив голову вниз.

– Ну, поехали! – скомандовал Данила и тронул Вольтера вперёд.

А я растерянно посмотрела на спину своего спутника и жалобно спросила:

– А как?

Гусарский парень подошёл ближе:

– Трогайте пятками – легонько.

Я тронула. Ну как... Легонько не получилось – кобыла вздрогнула и сделала два шага вперёд. Почувствовав колыхание всей этой живой массы под собственным седалищем, я вскрикнула и вцепилась обеими руками – в седло, в повод. Лошадь повернулась влево и замерла. Сбоку заметили:

– Отпустите седло и держите повод обеими руками. Иначе вы даёте команду повернуть.

– Я упаду, – возразила, не решаясь выполнить распоряжение.

– Держаться в седле надо коленями.

Всё это, конечно, просто превосходно, но как?! Вот отпущу седло, а эта громада сдвинется с места и уронит меня с двухметровой высоты! Стиснув бока лошади ногами, я снова ощутила, как она порывается двинуться с места. Гусарский парень рядом вздохнул с некой безнадёжностью, и я ему посочувствовала – иметь дело с такими, как я, не сахар.

– Колени для устойчивости, пятки для движения, натяжение повода для остановки. Да не волнуйтесь вы так, Синичка терпеливая. Мы всегда даём её новичкам!

– Знаете, вот меня это нисколько не утешает, – процедила сквозь зубы, старательно выполняя всё, как было сказано. – У вас таких, как я много, а я у себя одна...

Он зафыркал, как будто я сказала, что-то смешное, а мне было совершенно не до смеха. За всем этим напряжением я даже не заметила, как вернулся Данила. Его весёлый и даже в чём-то насмешливый голос заставил вздрогнуть:

– Ева, у тебя всё в порядке?

– Почти, – я улыбнулась, отчего скулы заныли – до того они были напряжены. – Я почти разобралась, где тут сцепление, а где тормоз.

Вольтер полез было к Синичке не то целоваться, не то обнюхивать, но Беркут резко одёрнул его. Потом пристроил коня бок о бок с кобылой и ободряюще погладил меня по плечу:

– Всё это не так уж и сложно! Нужно просто почувствовать лошадь, и вы с ней станете единым целым!

В настоящий момент мне хотелось стать единым целым лишь с каким-нибудь заваливающим диванчиком, но пришлось делать хорошую мину при плохой игре и снова напрягать щёки, чтобы улыбнуться.

Прогулка получилась весьма своеобразной. Я прекрасно понимала, что Даниле хочется пустить коня в галоп или насладиться свободой, но он был вынужден оставаться рядом со мной. А мне после пятнадцати минут конячьего шага хотелось только слезть и идти пешком возле лошади. Завтра буду расплачиваться за всё и валяться в кровати с ноющими мышцами. Зато и фитнеса не надо!

А финал прогулки вышел не могу сказать, что неожиданным. Ожидаемым он был. По крайней мере, для меня. Да и, наверное, для всех, кто скептически провожал нас взглядами в спину на выезде с конюшни.

Я только-только немного освоилась и перестала пугаться ходящей ходуном спины подо мной, только попыталась рассмотреть красоту природы и корабельных сосен вокруг, только решила спросить Данилу, как ему в голову пришла мысль купить лошадей, и в один миг всё перевернулось. Причём, в буквальном смысле слова! Вольтер вдруг взбрыкнул, попятился, захрапел, всадник окрикнул коня, резко подбирая повод, а моя Синичка отпрянула в сторону, как будто испугалась чего-то. Ноги мои выскользнули из стремян, и я с изумлением обнаружила, что лечу.

Вниз!

– А-а-а-а!

На мой вопль обернулись все трое – лошади и Данила. Я расстегнула каску и отбросила её в траву, со злостью выбираясь из кучи прошлогодней палой листвы, бросила Беркуту:

– Знаешь что! Да пошёл ты с твоими лошадьми! Я ухожу!

Да, меня трясло. Не столько от падения, сколько от осознания того, что клиент потерян. Да и в пень! Самый завидный холостяк нашей страны? Теперь понятно, почему ещё холостяк! Да какая девушка в здравом уме будет терпеть такие издевательства? Я не собираюсь. Найдутся другие холостяки. Может, со счетами поскромнее, но зато и с развлечениями понадежнее!

Но, поднявшись, я осознала, что никуда не уйду отсюда. Во-первых, ноги дрожали, как фисташковое желе на тарелке. Во-вторых, хрен поймёшь, в какой мы стороне от конюшни! В-третьих... Третьим препятствием стал Данила.

Он спрыгнул с Вольтера, перекинув повод вперёд, и поспешил ко мне:

– Золотце, ты ушиблась? Где болит?

– Жопа! – рявкнула я.

В его глазах заиграли весёлые солнечные зайчики, но всего на секунду. Данила твёрдой рукой поддержал меня за спину и таким же твёрдым голосом сказал:

– Я отвезу тебя в больницу. Нужно сделать рентген... жо... тазовой области!

– Не нужно, – буркнула я. – Просто отведи меня на конюшню, я заберу свои вещи и вызову такси.

– Я не позволю тебе исчезнуть.

Он привлек меня к себе, одной рукой, как заправский донжуан, и поцеловал в губы.

Ах, спасите моё маленькое сердечко! Этот поцелуй по сладости не уступал первой малине, а по силе вполне мог сравниться с движком среднего БМВ! А я слабенькая сейчас, я ударилась вторым мозгом, соображаю туго... Меня так легко взять просто пылом и напором! Прямо чувствую, как сдаюсь... Потому что губы, потому что нежность и власть в каждом движении, потому что сила...

– Ты можешь идти, Ева? – спросил он, оторвавшись от моих губ и глядя в глаза. Какие же они у него тёплые! А говорят, голубые глаза всегда ледяные...

– Могу, – прошептала, не в силах оторвать взгляд.

– Тогда давай потихонечку. Я поведу лошадей, а ты опирайся на мою руку.

– Боже, как хорошо, что не предложил мне снова сесть верхом... – выдохнула я. Беркут рассмеялся:

– Ты выглядела такой уверенной, что я подумал – ты кокетничаешь.

– Отнюдь, – ответила с достоинством. – Я держала лицо.

– Теперь понял. Всё, больше никакого экстрима.

– Спасибо!

И так искренне это прозвучало, с таким жаром, что он снова улыбнулся:

– Ты не такая, как другие девушки, Ева.

О да. Я не такая. Я гораздо хуже!

Глава 3. Оступилась и упала – получается, пропала

Обратно мы возвращались долго. Очень долго. Я хромала, опираясь на локоть Данилы, а он пытался справиться с двумя лошадьми.

Я наслаждалась. Думала – никогда больше не смогу оглядеться и увидеть окружающую меня красоту. В последний раз такое со мной случилось ещё дома, ещё в школе. Тогда мы с девчонками ходили на Амур – с палаткой, костёр жгли, жарили сосиски на веточках и ночью читали с телефона страшилки. А утром, когда я просыпалась первой и вылезала из палатки на воздух, топая к реке, чтобы умыться, сидела на берегу и смотрела, как встаёт солнце из-за сопок, прогоняя туман.

А здесь всё другое – сосны, берёзы, влажный мох и влажный воздух с залива – но, несомненно, такое же настоящее и неподдельное. Вдохнув полной грудью, я улыбнулась и услышала голос Данилы:

– Ну что, теперь почувствовала?

– Что именно? – из вредности уточнила. Он снова фыркнул:

– Воздух же! Вдыхай, заряжайся на много дней вперёд!

– Воздух вкусный, – рассмеялась я. – Хотела бы я тут жить...

– Если хочешь, можешь остаться на недельку, – бросил он небрежно. А я удивилась:

– Здесь? На конюшне?

Он кивнул на виднеющиеся за соснами деревянные постройки:

– Конюшня стоит на моей земле, а дом в пятистах метрах отсюда.

О как! Повезло кому-то. Хотя дома бывают разные, у Данилы он должен быть просто шикарным. Но теперь надо хорошенько подумать. Меня пригласили на недельку пожить в загородном доме. Значит, Беркут не хочет со мной расставаться. Это несомненный плюс. Однако не в моих правилах прыгать в постель к жертве в первый день знакомства. Меня нужно добиться. Иначе кому будет нужна добыча, которая сама прыгает в пасть? Значит, мне придётся как-то отказывать и уваливать. Это гораздо легче делать на нейтральной территории, а у Данилы...

Ладно, буду делать дурочку и, если что, отвечать: ты пригласил пожить в доме и наслаждаться воздухом, а не пожить с тобой.

Но быть поаккуратнее не мешает.

Запнувшись за горку земли на дороге, я ойкнула, ещё сильнее вцепившись в руку Данилы, и с удивлением подумала: а что, я уже согласилась на приглашение?

– Больно? – озаботился Данила, но я отмахнулась:

– Да всё нормально.

– Ладно, поверю тебе на слово, но только сегодня. Завтра, если что, отвезу в клинику.

– Хорошо, – мило улыбнулась я, подавив желание рывкнуть, что мы сами с усами и можем доехать до больницы в случае необходимости. А тут и конюшня показалась, и гусарский парень прибежал с вопросами:

– Что случилось? Вольтер заартачился? Сбросил?

– Как раз-таки Вольтер вёл себя, как хороший мальчик, а вот Синичка...

– Не может такого быть! – твёрдо заявил работник конюшни, и мне стало стыдно. С лёгким отвращением погладив лошадку по крупу – подальше от опасной головы, – сказала:

– Это я не удержалась в седле. А она меня очень аккуратно везла, честное слово.

– Ты не обязана брать вину на себя, Ева, – со смехом Данила отдал повод кобылы парню и властным жестом укоротил Вольтера, который решил, что ему надо последовать за Синичкой. – Но за честность тебе полагается приз.

– Ох, как интересно! Какой же? Надеюсь, не эксклюзивный тур на реактивном самолёте с обязательными прыжками с парашютом?

– Юмор тебе к лицу. Нет, пока парашюты не запланированы.

– Не знаю, что меня пугает больше: твои сюрпризы или слово «пока», – пробормотала я, с усилием поворачивая к дому, где переодевалась.

С чувством несказанного облегчения я стащила одежду для верховой езды и натянула своё голубое платье от малоизвестного модельера из Новосибирска. И всё думала: не ошиблась ли, не приняла ли поспешное решение? Может, всё же оставить Беркутова вариться в его собственном соку и найти другую, более привычную жертву? Чтобы всё, как всегда, чтобы нормальные человеческие букеты из ста пятидесяти роз и встречи в гостинице, где подкуплен персонал... Но глаза – эти тёплые талые льдинки, сильные руки и небрежный голос Данилы так и манили, накачивая меня порочным ощущением превосходства. Я смогу. Смогу и сделаю это. Тем слаще будет победа, тем слаще будет знание, что я переиграла такого мачо, уверенного в своей неотразимости!

Вот так.

Смогу.

Когда я вышла на аллею перед левадой, Данила ждал меня, но не в машине, как я предполагала. На мой невысказанный, но явно отразившийся в глазах вопрос он предложил мне руку – снова – и сказал:

– Пройдёмся через лес, тут недалеко.

– У меня каблуки!

– Так снимай их!

– Топтать песок и иголки босыми ногами?

Мне стало смешно, хотя я разозлилась. Нет, ну за кого он меня принимает?! За девчонку с рабочих окраин? Нет, я, конечно, с рабочих окраин и есть, но неужели я дала ему зацепку так думать? Не стукнув же пуансеттией по голове, честное слово? Кстати!

– А в машине цветок остался. Он засохнет.

– Сегодня машину пригонят к дому, и мы его заберём. Ева, я редко выбираюсь сюда, давай просто прогуляемся.

Вздыхнув, я скорчила недовольную гримаску. С мимикой у меня всё в порядке, и тренируюсь я регулярно перед зеркалом, поэтому капризная мадам получилась отлично. Пусть знает, что мне не в кайф таскаться на каблуках по лесу.

Однако в конце концов мне пришлось кривиться с усилием, потому что прогулка оказалась замечательной. С туфлями в руке я шла по игольчатому ковру, который совершенно неожиданно был мягким и не колючим, и слушала рассказ Данилы о том, как Вольтер однажды разгромил денник только потому, что соскучился по хозяину. Рассказ вёлся от лица сразу троих: берейтора, коня и самого Данилы, поэтому я хохотала на весь лес. Думаю, именно мой смех и предупредил прислугу в доме о нашем приближении (нет, совсем даже не телефонный звонок Беркута!)

Нас встречали.

У открытой калитки в невысокой ограде из полированного и покрытого лаком штакетника торчал седовласый джентльмен в чёрном костюме с галстуком-бабочкой. Его лицо, морщинистое, с обвислыми щеками, как у печального бульдога, не выражало ровным счётом никаких эмоций, когда старичок поздоровался с нами и уведомил:

– Я велел приготовить для дамы гостевую комнату.

– Превосходно, Пантелеич, – Данила жестом пригласил меня пройти в калитку. – Это Ева, моя гостья.

– Добрый день, – сказала я, разглядывая дом.

– Очень рад видеть вас в гостях у Данилы Алексеевича, – слегка поклонился дворецкий. – Если пожелаете, на террасе накрыт стол для аперитива.

– А что у нас на ужин? – осведомился Данила.

– Ваша любимая лазанья с лососем.

– Ева, у нас лазанья с лососем, – перевёл мне Беркут. Я фыркнула:

– Спасибо, я слышала! Слушай, я твой дом представляла как-то более... Менее... В общем, совсем не таким.

– Хм, – Данила окинул дом критическим взглядом и прищурился: – Пошли, расскажешь мне каким более-менее ты его представляла.

Дом стоял на лужайке посреди сосен и выглядел так, словно в пряничный домик из сказки пригласили архитектора, перестроили и расширили окна, а потом нарекли шале и продали Беркутову. Первое, что бросалось в глаза, это, конечно, огромные витрины под двускатной крышей. Они были по меньшей мере в три человеческих роста. А первая мысль, что пришла мне в голову, это, конечно, «как отапливают всё это пространство?»

Но надо было что-то отвечать хозяину, который явно гордился своим домом, и я вежливо сказала:

– Я думала, ты живёшь в трёхэтажном дворце с французскими балкончиками, с бассейном и ландшафтным парком в три гектара.

– Боже, как это прозвучало пошло, – наморщил нос Данила. – Я не такой, ты разве ещё не поняла?

– Начинаю об этом догадываться... Нет, серьёзно? Это фахверк? Выглядит внушительно.

– Фахверк, адаптированный под нашу архитектуру, – подтвердил хозяин дома. – Ладно, я раскрою тебе секрет. Стра-ашный секрет! Поклянись, что никому не скажешь!

– Клянусь, – со смехом ответила я.

Мы поднялись на деревянную террасу. Гладкие доски холодили подошвы, пахло хвоей и крепким кофе, щебетали птички на деревьях – рай, а не дом! Данила пригласил меня сесть за грубый монастырский стол, накрытый как в лучших ресторанах Лондона и Парижа – с накрахмаленными салфетками, хрустальными бокалами и графинами с соком, фарфоровыми тарелками... И поделился своим страшным секретом:

– У меня есть ещё один дом. В три этажа, бассейн с противотоком, ландшафтный парк. Всё, как ты сказала.

Налил в стакан апельсинового сока, пригубил, пожал плечами. Помолчав, добавил:

– Я люблю иногда приезжать сюда. Этот дом я купил первым, а потом и конюшню построил. Здесь тихо.

– А там шумно? – я поёжилась и огляделась. Действительно, тихо. Только птиц слышно. Случись что – ни скорая не доедет, ни полиция. Тьфу, что за мысли дурацкие? Почему что-то должно случиться?

– Там шумновато, да.

Он сменил тон, протянув, как обычно, небрежно и с ленцой. Усмешка исказила его губы, а мне подумалось, что там не только шумно, но и людно. Интересно было бы посмотреть на семейство самого завидного холостяка России. Но! Пока стоит держаться от родни подальше. Это больше геморрой, чем подмога.

– Наверное, не очень удобно жить в пригороде, – бросила наугад, чтобы поддержать разговор. Данила протянул мне тарелочку с маленькими бутербродиками:

– Когда есть хорошая машина и шофёр, удобно жить везде. Но, когда я задерживаюсь в городе, то ночую на квартире.

– У тебя ещё и квартира есть?! – рассмеялась я. Чтоб все так жили...

– У меня есть две квартиры, – фыркнул Данила. – Всё? Закончили инвентаризацию моего имущества? Ешь, это настоящая дальневосточная икра. Если будешь хорошей девочкой, я тебя покаю на раритетном мопеде!

– Не-е-ет! Только не это! Мне хватило лошади! – сделав круглые глаза, я покрутила головой. Беркут неинтеллигентно захохотал, потом, накрыв ладонью мою руку, успокоил:

– Ладно, не на мопеде. У меня есть другой раритет. Более удобный.
– Так, давай сразу договоримся, что на твой раритет не надо садиться верхом, – предупредила подозрительно.

– Не надо, – согласился Данила.

– И он сам везёт, да? Залил бензин и вперёд?

– Совершенно верно. Ещё у него есть колёса, руль и сиденья. Правда, всего два.

– Спортивная машина, – вздохнула я. Боже, как предсказуемо. Богач на Феррари. Или у него Ламборгини? Двести пятьдесят на трассе, сто на поворотах...

– Почти, – хитро улыбнулся богач. – Ешь, а то ничего не покажу.

Сделав вид, что испугалась шантажа, я элегантно слопала тартинку с настоящей дальневосточной икрой. И скривилась. Отодвинув тарелку, качнула головой:

– Данила, тебя обманули. Это никакая не дальневосточная икра. Это фигня, которую выдают за свежую и продают втридорога.

– А ты откуда знаешь? – удивился он. – Ты разбираешься в икре?

– Ещё бы...

Сколько я съела этой самой икры... Красной... На бутербродах по утрам перед школой. В ухе. В салатах вместо крабовых палочек... Думала, что меня не перестанет тошнить от икры никогда. А оказывается, можно отвыкнуть от икры и есть её даже с удовольствием! Вот эта, например, очень даже вкусная. Если бы не была заявлена настоящей дальневосточной. Скорее всего, она была заморожена в ястыках и переработана где-то в Сибири.

– Настоящую икру солят и закатывают прямо на судне, дорогой мой гурман Данила. И делают это летом или ранней осенью.

– Ты ловила рыбу сама?

– Издеваешься?

Я посмотрела на него взглядом чистокровной блондинки, по ошибке родившейся в теле брюнетки, и протянула, копируя его тон:

– У меня дядя каждый год ходил на лов, у нас этой икры дома было... Завались!

– Так, всё! Молчи, больше ни слова! Завтра Пантелеич закажет икру из разных мест, устроим дегустацию! А пока вот.

Он подвинул мне блюдо с маленькими профитролями:

– Кофе? Чай? Угощайся, это домашние. Я их просто обожаю.

– Скажи честно, ты меня сюда привёз, чтобы кормить на убой?

– Ну что ты! Ева, я привёз тебя сюда, чтобы вместе с тобой отдохнуть от суеты города.

Данила встал, обошёл стол и наклонился надо мной, обнял сзади. Я замерла, нежась в ненавязчивом парфюме от «Хьюго Босс» и в запахе мужского тела. Как бы и правда крышу не снесло от этого красавчика! Надо быть осторожнее! Надо остерегаться! Надо...

Господи... Лучше бы мы продолжили обсуждение икры!

Я откинула голову на плечо Беркута и, закрыв глаза, расслабилась – против воли! Все мои чувства обострились, я ощущала каждый миллиметр его кожи в контакте с моей. Запах кружил голову. Хотелось, чтобы время остановилось, а мы сидели бы вот так, обнявшись, целую вечность...

– Милая... – мурлыкающий голос Данилы, напомнивший мне чеширского кота, вогнал в пучину смятения. – Я так хочу узнать тебя поближе...

Аларм, аларм, Евка, стоп-сигнал, отдаление, шаг назад! Я лихорадочно перебирала варианты, как выкрутиться из создавшейся ситуации, и в отчаянье взялась за стакан сока. Секунда – и он уже был точным движением опрокинут на подол платья!

Эффект был достигнут. Данила сам отскочил от меня, отряхиваясь от брызг, а я притворно ужаснулась:

– О господи! Что же теперь делать? Как я домой вернусь?

Ладно, не совсем притворно. Мне нравилось это платье... Я купила его по объявлению, потому что оно было максимально похоже – чего скрывать ха-ха-ха! – на Прада из последней коллекции. Вряд ли пятно сойдёт – не апельсин же, малина. Зато теперь можно с чистым сердцем вызвать такси и уехать в гостиницу.

Но только я раскрыла рот, как Данила гаркнул на весь дом:

– Полина-а-а!

Я вздрогнула, как, наверное, и все птицы в округе, а из дома раздался ответный вопль:

– Бягу-у-у!

Ой, мамо...

Оно прибежало почти рысцой – большое, круглое тело, колышущееся под серым балахоном до пола – вытирая ладони о белоснежный передник и шаркая ногами в тапочках. Полина оказалась женщиной лет пятидесяти с круглым, как блинчик, лицом и густо подведёнными карими глазами. С порога она накинулась на Данилу с упрёками:

– Ну вот, что наделал?! Зачем девушке платье испортил?

– Что?! Это не я! – отказался Данила с видом маленького мальчика, однако Полина явно не поверила. Она погрозила ему пальцем, похожим на туго перетянутую в фалангах колбаску, и поманила меня рукой:

– Пойдёмте, пойдёмте в дом, я дам вам, во что переодеться, и платьем вашим я займусь!

– Ну что вы, – я скорчила смущённое лицо. – Мне бы такси, я поеду домой...

– Никаких домой, Ева! – строго воскликнул Данила. – Иди с Полиной, она тебя не покушает. Надеюсь...

– Что за грязные инсинуации, Данила Беркутов? – оскорбилась женщина и подхватила меня под локоток. – Не слушайте его! Я не кусаюсь! Что я, собака дворовая, что ли?

Под напором я была вынуждена признать:

– Нет, не собака.

– Ну вот. Идёмте, идёмте! Вас Евой зовут? Какое прелестное имя! А я Полина, экономка. Будем знакомы.

– Будем, – выдохнула я. Ничего себе тут прислуга! Беркутов не только эпатажный миллиардер, но и весьма эксцентричный! И притягательный, тут вообще не о чем говорить, но это же не главное для моей охоты. Это чаще даже мешает. Вот и теперь – я совершенно растеряна и не знаю, как себя вести. Хоть сбегай отсюда через чёрный ход! Правда, в этом доме я скорее заблужусь...

Внутри было такое огромное открытое пространство, что даже голова закружилась вначале. В гостиной были высоченные окна и второй свет, деревянные опоры и перекрытия, такие же стены. Всё дышало светом и чистым воздухом. Минимум мебели, минимум безделушек, максимум простора. В таком доме я бы жила всю жизнь! Но Полина настойчиво тянула меня вверх, на второй этаж. Мы поднялись по лестнице и вошли в одну из открытых комнат. Полина распахнула шкаф и критическим взглядом осмотрела висящие на плечиках вещи:

– Та-а-ак, что же мы вам подберём?

– А чьё это? – подозрительно спросила я.

– Это-то? А Катюшкино. Но Катюшка-то уж лет пять как в Швейцарии живёт... Вышла, понимаешь, замуж за одного этого, который мобильник нателем называет и вместо церкви ходит на собрания читать библию... Ну бог ей судья. А вещички вот остались, не волнуйся: чистые, выглаженные, как новые!

Мда. Катюшка какая-то... Бывшая, что ли? Ну, раз замуж вышла, то мне на неё только и остаётся забить. А вот шмотьё... Ну ладно, раньше носила бэушные, и сейчас надену. Сбежать всё равно не дадут.

– Вот вам, Ева, очень симпатичное платье.

Полина выдала мне вешалку. Платье было... Мягко говоря, очень дорогим. Навскидку – Дольче и Габбана. Конечно, не новье, но мягкость ткани и аккуратность кружева, швы, пуговицы – всё кричало о том, что куплено оно было не в России. Чёрное, узкое, с широкими рукавами в три четверти, с чёрной же шёлковой подкладкой, как раз моего размера. Интересно, Данила всех женщин себе подбирает по параметрам фигуры?

– Вы переоденьтесь, а ваше платье я заберу, постираю и высушу. Да вы не волнуйтесь так! У меня большой опыт работы с вещами от кутюр! Прада, да?

– Почти, – рассмеялась я. Надо же, модельер не соврал. Ведь говорил, что все будут принимать за Италию! – Не старайтесь, просто надо застирать пятно и всё.

– Ну-ну, не учите меня работать, – весело отмахнулась Полина. – Переодевайтесь и спускайтесь к Даниле. А я за дверью постою.

Что ж. Похоже, выбора у меня нет. Когда она вышла, я на всякий случай выглянула в окно. С балкона я прыгать не буду. Ладно. Один-ноль в пользу Полины.

Когда я снова появилась на террасе в чёрном итальянском кружеве, Данила стоял, опираясь на перила, с рыжей кошкой в руках. Мужская рука так небрежно и ласково гладила короткую шерсть зверька, что мне немедленно захотелось стать кошкой и нежиться в объятьях Беркута... Пришлось даже потрясти головой, чтобы избавиться от наваждения, и весело улыбнуться:

– Что ж, счастье, что у тебя есть подходящий для женщины гардероб! Я спасена.

– Тебе идёт, – Данила оглядел меня с ног до головы и спустил кошку на стол. – Готова для прогулки перед ужином?

– Вполне.

Чёрт, нет, я не готова! На что ещё он вздумал меня посадить? На слона?

Глава 4. Падение в пропасть продолжается

Гараж в этом шикарном поместье был на отшибе. Мы чинно прошли по дорожке, выложенной миленькой плиткой разной формы, но идеально подогнанной по швам, до небольшого домика с поднятыми воротами. На бетонной парковке перед ним стояло чудо-юдо. Форменное чудо-юдо-рыба-кит! Кремово-белая, с дутыми крыльями, с круглыми фарами, с откинутым верхом и лобовым стеклом, отделанным хромом... Машина! Или игрушка?

Я оглянулась на Данилу и спросила:

– Это ездит?

– Ещё как!

– Что это?

– Золотце, это Мерседес!

– Скажи мне, он видел динозавров?

Со смехом Данила распахнул дверцу, хотя я думала, что он заскочит внутрь, как в американских фильмах. Ключ торчал в зажигании, и Беркут завёл машину с пол-оборота, потом обошёл капот и открыл дверцу для меня:

– Прошу, нас ждут дороги Лисьего Носа!

– Данила... Между прочим, я жить хочу! У меня ещё детей нет, и не влюблялась я никогда!

– На что это ты намекаешь?! – деланно оскорбился он. – Я прекрасно вожу!

– А почему у тебя водитель тогда?

– А потому что я гоняю, – усмехнулся Данила, подталкивая меня к машине. – Давай, не думай!

Я покачала головой, с сомнением оглядывая машину. Нет, как это не думать? У меня на жизнь большие планы! И уж точно в них не входит помереть в аварии на вот этом вот чуде!

– Послушай меня. Это коллекционный автомобиль, ему больше полувека. Я не собираюсь разгонять его до максимальной скорости! Мы потащимся на пятидесяти километрах в час по живописным просёлочным дорогам, насладимся закатом, а потом вернёмся домой и будем есть лазанью с лососем!

– Обещаешь? – совсем доверчиво, как маленькая девочка, уточнила я и села на офигенное сиденье из красной кожи. – Боже, такое неудобное...

Провела рукой по кожаной, красной же обивке дверцы, а Данила закрыл ту с лёгким хлопком:

– Это время такое было неудобное. Зато тут нет ремней.

Устроившись рядом со мной, он взялся руками за руль:

– Посмотри же, какие детали! Посмотри, какая торпеда!

– Хм-хм, – неопределённо оценила я. – Слушай, а у тебя сколько машин вообще?

Данила нажал на педаль, и маленький пузатенький Мерседес с рычанием большого крупного зверя покатил по дорожке к воротам в ограде. Меня прижало к спинке сидения, и я ухватилась за ручку, ахнув:

– Ничего себе – потащились!

– Ой, чуть-чуть газу дал, – фыркнул Данила. – Спокойствие. Дыши, расслабься и наслаждайся видом!

– Ты намеренно игнорируешь мои вопросы, да?

– Я обдумываю, что лучше сказать. Машин вообще? Допустим, семь. Из них шесть коллекционных.

Я даже рот раскрыла. Шесть вот таких раздолбаек? Только один вопрос: зачем?! Ездить на них неудобно, запчасти, небось, стоят не одну почку, да и ремонтировать где? Впрочем, мне

никогда не понять богачей. Они пивные кружки со всех стран коллекционируют, выбрасывают бабло на спасение галапагосских черепах, создают собственные партии, а то и религии... Этот ещё безобидный, всего лишь собирает развалюхи. И лошадей. И бог знает что ещё, но, надеюсь, мне не придётся оценить всю тяжесть ситуации. Или сбегу, или заарканю, а там денежки и фьюить!

– Ну как? – перекрикивая шум мотора, спросил Данила. Я подняла большой палец вверх, ставя лайк. Соврала, ну да ладно. Разом больше, разом меньше, всё равно в аду гореть.

– А куда мы едем?

– На пляж, Ева!

– А у меня купальника нет, – ляпнула. Данила рассмеялся:

– Я бы тебе не позволил купаться в заливе! А то потом вдруг неожиданно вырастет третья рука где-нибудь в низу спины!

– О, я знаю, это называется хвост! – фыркнула с издёвкой. – Как у обезьянок!

– Вот-вот. Не хочу, чтобы ты стала обезьянкой.

Он бросил рычаг передач и обнял меня, потянулся, чтобы поцеловать. Я взвизгнула:

– На дорогу смотри!

Данила откинулся со смехом и больше не предпринимал никаких попыток снять руки с руля. А я пыталась отдышаться. Последний раз, когда мой обожё выкинул такой финт, пришлось зашивать голову и волосы наращивать за левым ухом...

Хоть я и сомневалась до последнего, смешная машинка всё-таки довезла нас до тупика. По обе стороны за заборчиками торчали старые дачи с острыми крышами, утопающие в зарослях кустов. А впереди шумел залив. Данила заглушил мотор и повернулся ко мне:

– Теперь-то можно?

– Можно что? – не поняла я, и тут меня поцеловали.

Нет, у этого сумасшедшего Беркута всё не как у людей, ей-богу! Губы жёсткие, властные, они завладели моим ртом так, будто ждали этого долгие годы. Руки обняли за плечи, даже не попытавшись скользнуть к груди или ещё куда. А я приклеилась к кожаному сидению, плаваясь от напора и жара, которым меня наградили. И запаниковала.

Возбуждение окатило, как из ведра, мгновенно, как будто мы с Данилой оказались в пузыре из эмоций, отделённые от всего остального мира, только вдвоём, хоть и на улице под взглядами жителей посёлка. Но для меня всё и все исчезли, остался только Беркут и его голубые глаза, ставшие тёпло-зелёными от страсти.

Мама, мамочка, держите меня, нет! Я не хочу, не могу, не должна ничего ощущать! Только холодный расчёт, только дело, только бабки! Ничего нет важнее обогнать очередного сорящего деньгами миллионера! И никаких личных эмоций! Никаких!

– Девочка, что же ты такая зажатая? – пробормотал Данила, оторвавшись от моих губ. – Я так хочу тебя, хочу безумно!

– Но не здесь же! – простонала я, выворачиваясь. – Ты хотел показать мне закат!

– Да подождёт закат...

– Вот как раз закат ждать не будет! – мне удалось наконец выскользнуть из его жарких объятий и открыть дверцу. – И лазанья холодная не такая вкусная, как горячая!

– Чревоугодие – грех, – пробормотал Данила, старательно пряча бугор между ног.

– Похоть тоже, – хлопнув дверцей, я вышла из машины и потянулась. Какой свежий воздух! Надо было раньше приезжать в Питер. Здесь пахнет морем, как дома... Здесь состоится последний акт моей мести, моего лечения, моего выздоровления. А потом – заграница, отдых, забытье.

Данила приблизился сзади и обнял легонько:

– Ты кокетка, Ева. Ускользающая волна... Ветер между пальцами...

– А ты поэт, Данила Беркутов, – усмехнулась, откидывая голову на его плечо. – Пойдём на пляж?

Он взял меня за руку и повёл через кусты по тропинке.

Пляж оказался гораздо хуже, чем я могла себе представить. Песок с камнями, водорослями, какими-то ракушками. Трава. Надеюсь, что не морская. Шпильки сразу же увязли, и я стащила их, боясь заляпать. Но меня подхватили за спину, поддержали, задали вопрос:

– Хочешь походить по воде?

– А как же третья рука?

– Да я пошутил. Не так тут и грязно... Не Бали, конечно, но и не Чернобыль.

– Насколько я помню географию, в Чернобыле нет моря! – фыркнула я, зарывая пальцы в холодный песок. Такое ощущение, что вернулась в детство... На Амуре холодный песок... Как было хорошо, как спокойно и счастливо, когда мне было семь лет!

– Ева, –дохнул мне в ухо Данила. – Смотри.

Я посмотрела. Солнце проблёскивало сквозь воздушную пелену облаков, спустившихся почти к самому морю. Небо, голубое над головой, рыжело, желтело, краснело, приближаясь к облакам. Лучи, как щупальца, выбивались из серой ваты, словно инопланетяне хотели достать до воды, до земли, до нас. Вот сейчас, вот сейчас выплывут на огромной тарелке из-за туч...

– Красиво... – оценила я. – И страшно.

– Почему страшно?

Его руки сомкнулись на моём животе, его тело согрело сзади, как будто меня обволокли тёплым коконом спокойствия. Откинувшись на его плечо, я следила за солнцем, собираясь проследить его путь до горизонта, и всей кожей чувствовала электрическое напряжение между мной и Данилой. Оно мне нравилось, с одной стороны. А с другой – было неприятно, что какое-то сексуальное влечение, появившееся непонятно откуда, могло разрушить давние, твёрдо выношенные и чёткие планы. Я же могу противостоять? Могу. Я могу идти до конца? Могу. Так чего я смущаюсь, как девственница, и едва дышу?

– Так почему страшно-то?

– А вдруг там летающая тарелка?

– Ты веришь в летающие тарелки? – ужаснулся Данила, развернув меня лицом к себе.

Он взял мои щёки в ладони и пристально взгляделся в глаза: – Нет, серьёзно? Веришь?

– Не верю, – пролепетала, чувствуя, как таю и млею. – Я пошутила.

– Уф-ф-ф, – выдохнул он, отпустив меня. – Девочка, я испугался!

– Прямо так и испугался сразу!

– Да-а-а, просто вспомнил одну свою знакомую, с которой встречался одно время. Она двинулась на этой почве и на полном серьёзе рассуждала про рептилоидов.

– Ой как интересно, – протянула я, снова поворачиваясь к заливу. – И что там с рептилоидами?

– Они захватили Землю, сидят в правительствах всех стран и дёргают за ниточки! О, и ещё сосут кровь младенцев! А людей периодически на опыты забирают.

– Кошма-ар.

– И не говори. Три недели не мог от неё отделаться... – пробормотал Данила. – Всё. Очарование заката для меня потеряно навсегда. Поехали обратно.

– Ты слишком чувствительный, Данила Беркутов, – заклемила я его, на что он подхватил меня на руки. Я взвизгнула от неожиданности и сходу уцепилась за его шею, крикнула:

– Ты что делаешь?!

– Я не чувствительный! – грозно ответил Данила. – Я brutальный! Я альфа-самец! А ты моя альфа-самка!

– Кто сказал такое? – рассмеялась я, обнимая его покрепче. Беркут скорчил гримасу, которая должна была показать, на что способен brutальный альфа-самец, и напугать альфа-самку до икоты. Правда, альфа-самка едва сдерживалась от хохота...

– Я сказал! Гр-ы-ы! Моя! В пещеру! Есть лазанью! Потом спать!

Альфа-самка перестала сдерживаться и расхохоталась на весь пляж. Данила ещё покривлялся, неся меня к машине, а потом посадил на сидение и, поцеловав в губы, сказал тихо:

– И я не шутил.

Эта последняя фраза меня напугала. Он не шутит, это точно. Он способен закинуть меня на плечо и отнести в спальню... Сразу после лазаньи. Как выкручиваться? Как сохранить образ приличной девицы? Ну нельзя на первом свидании, в первый день... Нельзя! Даже если очень хочется.

Проделав обратный путь до затерянного в лесу дома, мы въехали в открывшиеся сами по себе ворота и остановились у гаража. На скамеечке лежала расслабленная трёхцветная кошка и следила за нами, щуря глаза. Сколько тут кошек? Боже, неужели Данила и кошек коллекционирует? Нет, я бы поняла, если бы тут бродили породистые мейн-куны или лысые сфинксы, но простые дворовые мяуки?

Как хорошо, что у меня нет аллергии...

Я выбралась из машины и натянула на ноги туфли, отряхнув с подошв налипшие песчинки. Данила подошёл, помог встать и притянул к себе:

– Ева, ты точно голодна? Может, минуем столовую и поднимемся прямо в спальню?

– Я точно голодна, – выдохнула ему в шею, наслаждаясь восхитительным ощущением сильного мужского тела совсем рядом. Скоро этот мужчина будет моим. Скоро... Но не сегодня!

– Ты искушаешь меня и испытываешь границы моего терпения, девочка, – мурлыкнул он, пуская руки в путешествие по моей спине. Они гладили, лаская и искушая уже меня. А я ляпнула, лишь бы что-то сказать и не молчать:

– Я никогда не ела лазанью с лососем.

– Да-а, тогда нам придётся идти через столовую, – разочарованно вздохнул Данила, не собираясь, впрочем, меня отпускать. – Полина уже, наверное, раза три всё разогрела.

– Полину сердить нельзя, – подытожила я и, сняв руки Данилы с талии, потянула к дому.

– Ты тоже это сразу поняла?

– А как же! А как же! Она в армии не служила часом? – фыркнула я, а он поджал губы:

– Не знаю, не зна-аю...

Стол ждал нас в огромной столовой. Стоял он между двух панорамных окон во всю стену с видом на сад. Минималистическая обстановка радовала глаз. Светильник с тремя рожками-колоколами, шесть стульев вокруг круглого стола и ровно одна картина – портрет маслом уже знакомого мне Вольтера. Данила отодвинул стул и задвинул его за мной, как галантный джентльмен, и в этот момент из кухни выглянула Полина. Всплеснув руками, она воскликнула:

– А я уж думала – не ждать вас сегодня! Думала, в город уехали!

– Мы на закат смотрели, Поляночка, не сердись, – улынулся Данила. – Ужин будет, или ты уже всё выбросила?

– Да уж, конечно, выбросила! – съязвила женщина. – Не привыкла я выбрасывать продукты! А ты бы лучше поухаживал за Евой, налил бы ей вина.

И скрылась на кухне, загремев там блюдами. Данила склонил голову:

– Права, тысячу раз права. Ева, ты же любишь белое вино?

– Я люблю белое вино.

– Отлично.

В бокале у меня оказалось желтоватое прозрачное вино, и хозяин дома поднял свой бокал:

– Давай, пробуй.

– Сладкое!

С первого глотка жар расплылся внутри тела, успокоив и согрев. Да всё будет хорошо, Евка, чего ты паришься? Сейчас поужинаем, а потом надо сослаться на головную боль. Или нет! На боль в жопе! Я же летала сегодня! С мягким приземлением в сугроб, но всё же летала! Поэтому скажу, что мне надо отлежаться дома. Точно.

Я почувствовала себя гораздо увереннее и даже потянулась к бутылке:

– А как называется это вино?

– Это французское. «Пти-Фюме». Нравится?

– Очень. Ты его здесь купил или во Франции?

– Из Франции я привожу обычно розовое вино. Здесь такого не найти. Но мы ещё попробуем после, если ты согласна.

– Я согласна.

Нашу светскую беседу снова прервала Полина, торжественно внося блюдо, покрытое чистой салфеткой:

– А вот и лазанья!

Уже разрезанная на кусочки, лазанья выглядела настоящим произведением искусства. Я, конечно, ела её по-всякому, но вот эта розовая прослойка между пластов пасты мне сразу понравилась. Лосось – это вкусно! Если, конечно, это настоящий лосось!

С видом специалиста я спросила:

– А лосось откуда?

– Из Ашана, милочка, – с достоинством ответила Полина. – Хороший, не замороженный, свежий. Попробуете?

– Обязательно, – в тон ей сказала я. Вот уж прислуга от меня не дожждётся извинений.

Даже если это не совсем обычная прислуга...

Ужин оказался очень вкусным. К лазанье прилагался салат из помидор и моцареллы, но не кружочками, как его подавали обычно в ресторанах, а маленькими кусочками. Бокал вина расслабил, жизнь показалась прекрасной, а Данила – настоящим рыцарем и весёлым свойским парнем. Он рассказывал какие-то байки про то, как покупал Мерседес на торгах в Англии, как его растаможивал, как вёз в Россию... И я смеялась совершенно искренне, потому что в лицах это было очень смешно.

А потом он сложил приборы в тарелку и взял меня за руку:

– Ну что? Я покажу тебе второй этаж?

– Ах вот как это теперь называется?! – я кокетливо похлопала ресницами, чувствуя, как всё внутри переворачивается от его взгляда. Горячая волна затопила с головы до ног, сладкая патока желания склеила те области, которые отвечали за здравый смысл, и я пошла за Данилой на лестницу, как корова на бойню – с удовольствием.

Беркут привёл меня в угловую спальню – большую и просторную. С порога включил лампу на стене и поцеловал – так страстно, что я забыла все свои правильные правила и сама обняла его плечи, лаская твёрдые бугристые мышцы.

– М-м-м, девочка моя, какая ты сладкая... – протянул Данила шёпотом. – Иди в душ, малыш, а я сейчас вернусь.

Он толкнул дверь рядом со входом, включил мне свет и исчез в коридоре. А я...

Меня словно ведром воды окатило. Вот что я делаю? Что творю? Глупости творю. Сейчас бы отдалась ему, как последняя шлюшка, и всё. Конец отношениям, конец знакомству. А как же мои далеко идущие планы?

Я прислонилась спиной к стене, закрыв глаза. Поохотилась, называется. Нельзя смешивать чувства и дела. Нельзя! Ни к чему хорошему это не приводит. Что мне теперь делать? Что делать?

Два пути: либо свалить и забыть о Беркутове навсегда, переключившись на другую жертву, либо остаться и потерять возможные деньги, но зато получить ночь прекрасной любви с красавчиком миллиардером... Что выберешь ты, девочка Евочка? Какой путь, какую дорогу?

Я схватила сумку и сбросила туфли, чтобы не стучать каблуками. Выглянула на балкон через приоткрытую дверь. Лестница, как и было видно снаружи, вела напрямик во двор к гаражу. Выскользнув из комнаты, спустилась на едва заметную тропинку из деревянных кругов и быстрым шагом пошла к калитке у ворот.

Глава 5. Выбранный путь

Сумерки белой ночи не скрывали меня, наоборот. Я как на ладони – видна даже из космоса! Но шла и надеялась, что Данила ещё в душе, а прислуга занята мытьём посуды. Пусть мне повезёт, пусть просто немножечко повезёт!

Правда, я совсем не знаю, где я и как отсюда уехать, но не беда – у меня есть деньги и телефон, я могу вызвать такси. Вот только найду название улицы... Калитка открылась по нажатию кнопки с лёгким жужжанием зуммера, и я выскочила на улицу, как будто за мной уже снарядили погоню. Теперь идём налево... Или направо, всё равно, но до конца улицы, чтобы узнать название.

Напялив лодочки, я постучала каблуками налево, высматривая на заборах подобие таблички с адресом. Потом выругалась сама на себя: дура я, дура! Есть ведь карта, где можно найти своё местоположение! Вытащила смартфон из сумки и включила гугл мапс. Вот. Вот, пожалуйста! Умные люди придумали, а одна глупая Ева не докумекала. Тут тебе и улица, и номер дома, и даже панорамные фото, если надо! Но мне не надо. Теперь приложение такси, и оп – через полчаса буду в гостинице.

Скопировав адрес, я вызвала первое попавшееся такси, оплатила картой и прислонилась к дереву. Подожду тут.

Закрыла глаза и вдруг представила, как Данила моется в душе.

Большой, мускулистый, красивый...

Сегодня он должен был стать моим альфа-самцом. Пусть всего на одну ночь (иллюзий надо избегать при моём хобби), но моим. В животе сладко заныло. Как это называется? Упущенная выгода? Упустила ты своё счастье, Зуева. Нет, как это было в мультике?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.